

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

2007

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Г. М. Ребель. Базаров и Раскольников: слово — идея — масштаб личности	3
Г. В. Обатнин. Протеус: еще раз о сатанистах XX века	32
О. А. Дмитриенко. Фольклорно-мифологические мотивы в романе Набокова «Машенька»	47

К 130-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И К 50-летию СО ДНЯ СМЕРТИ А. М. РЕМИЗОВА

О. П. Раевская-Хьюз (США). Никола Угодник в творчестве А. М. Ремизова	61
А. М. Грачева. От Петрушки к царю Эдипу (о теории и практике «народного театра» А. М. Ремизова)	70
Приложение I. Алексей Ремизов. Храбрый витезь Бова Королевич	79
Приложение II. Рецензии А. М. Ремизова	83
Е. Р. Обатнина. «Золотое подорожие» А. М. Ремизова: текст и контекст	89
С. Н. Доценко (Эстония). А. М. Ремизов и Ф. М. Достоевский: поэтика палимпсеста	107

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

С. А. Фомичев. Таврический миф в интерпретации А. С. Пушкина	118
И. А. Кузьмина. П. Н. Цуриков — адресат стихотворного послания А. А. Фета	123
Т. Б. Трофимова. «Как хороши, как свежи были розы...» (образ розы в творчестве И. С. Тургенева)	127
С. А. Петрова. «Поэтическая философия» Александра Добролюбова	139

жением неотвратимой силы Судьбы. Философский смысл оракулов с золотых пластинок — о возрождении свободной и бессмертной души — основывается на общих (для орфиков и Гераклита) представлениях, согласно которым каждый «цикл возрождения» неминуемо завершается экипиром (мировым пожаром), за которыми следует апоктаз — обновление мира и душ.⁶⁸ В «Электроне» текст «Золотого подорожия» представлял собой усеченный вариант опубликованной в газете «Наш век» поэмы — без пролога и первой части; он должен был начинаться строфой: «На кручу по кремнистой тропе взбираюсь...». Кроме того, здесь оказались снятыми посвящение «П. Б.» и ссылка на древнегреческие тексты-источники электрумовых пластинок. На самой последней стадии макет был подвергнут авторской правке, которая привела к объединению двух текстов в единое целое.⁶⁹

Поэма «Золотое подорожие», вышедшая в печать в Светлое Христово Воскресение 1918 года, вполне отвечала христианской идее победы над смертью. Вместе с тем древнегреческий контекст этого «пасхального» произведения утверждал преемственность религиозных традиций античного дионисийского культа и христианства. Положив в основание этого произведения мифологическую схему нисхождения и восхождения души, Ремизов описал «ад», «чистилище» и «рай» своих собственных душевных мук, пережитых в течение одного революционного года.

⁶⁸ См. свидетельства об учении Гераклита и орфиков, оставленные Цензорином (Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. С. 228); а также: *Гомперц Т.* Указ. соч. С. 59.

⁶⁹ Обложка авторского макета 1918 года имеет надписи: «Алексей Ремизов. Электрон. Петербург. 1918 г.», а авантитул — «О судьбе огненной. Предание от Гераклита Ефесского» (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. № 34. Л. 1—2).

© С. Н. Доценко (Эстония)

А. М. РЕМИЗОВ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ: ПОЭТИКА ПАЛИМПСЕСТА

Значимость творчества и личности Ф. Достоевского для писателя А. Ремизова не вызывает сомнения.¹ Она засвидетельствована самим Ремизовым в автобиографии 1923 года: «Жгучую память сохранил о Достоевском — первой прочитанной

¹ Эта проблема исследовалась в работах: *Ingold F. Ph.* A. M. Remizov und F. M. Dostoevskij: (Zu einem unveröffentlichten Illustrationswerk aus der Basler «Bibliothek Fritz Lieb») // *Librarium*. 1977. [Bd] II. S. 116—135; *D'Amelia A.* Dostoevskij «podstrizennymi glazami»: (F. M. Dostoevskij and A. M. Remizov) // *Actualité de Dostoevskij*. Genova: La Quercia edizioni, 1982. P. 159—170; *Данилевский А. 1)* Функция «автобиографизма» в III-ей редакции романа А. М. Ремизова «Пруд» // *Учен. зап. Тартус. гос. ун-та*. 1988. Вып. 822. С. 139—157; 2) О дореволюционных «романах» А. М. Ремизова // *Ремизов А. Избранное*. Л., 1991. С. 596—607; *Waszkiewicz H.* *Modernistyczny starowiec: Główne motywy prozy Aleksego Remizowa*. Kraków, 1994 (index); *Тырмышкина Е.* «Крестовые сестры» А. М. Ремизова: Концепция и поэтика. Новосибирск, 1997; *Slobin G.* *Remizov's Fictions: 1900—1921*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1991 (index); *Слобин Г.* Проза Ремизова: 1900—1921. СПб., 1997 (по указателю); *Доценко С. 1)* Апокрифические мотивы в повести А. М. Ремизова «О страстях Господних» // *Славянские чтения*. I. Даугавпилс; Резекне, 2000. С. 114—123; 2) Три заметки о А. Ремизове. 1. Откуда в повести А. Ремизова «Крестовые сестры» пожарный в медной каске? // *Вторая проза: Сб. статей*. Таллинн, 2004. С. 119—122; *Туниманов В. А.* Ф. М. Достоевский в творчестве и жизни А. М. Ремизова // *Туниманов В. А. Достоевский и русские писатели XX века: Сб. науч. статей*. СПб., 2004. С. 104—139.

книге, которому посвящено в книге моей „Огненная Россия” огненное слово».² Особый интерес к Достоевскому был у Ремизова неизменным — еще в ранней автобиографии (1912) он поставил Достоевского на первое место среди писателей, особенно на него повлиявших: «От сказок и Макарьевских четий-миней через любимых писателей — Достоевского, Толстого, Гоголя, Лескова, Печерского к Ницше и Метерлинку и опять к сказкам и житиям и *опять к Достоевскому...* (курсив мой. — С. Д.) вот она как загнулась дорожка, вот те камушки, по которым шел и иду за тридцать земель в тридцатое царство за живую водой и мертвой».³

А в конце жизни Ремизов признавался: «А особенно в литературе меня тронул апокриф Мармеладова: „Приходите и вы, свиньи...” — всегда готов читать эту исповедь Достоевского. А имена, под которыми прошла жизнь в России за 44 года (1877—1921) — Достоевский, Лесков (...)».⁴

Влияние творчества Достоевского на Ремизова постоянно отмечали литературные критики. Так, А. Измайлов, говоря о повести Ремизова «Крестовые сестры» (1910—1911), довольно точно подметил: «В „Крестовых сестрах” Ремизов весь вышел из Достоевского и весь в него ушел».⁵ А критик Е. Колтоновская в рецензии на повесть Ремизова «Пятая язва» (1911) утверждала: «Достоевский оставил большой след в нашей литературе. Чуть не все „молодые” писатели его наследники. И самый талантливый среди его учеников — А. Ремизов, унаследовавший не только его философию и нервический писательский склад, но и его способность бесстрашного мучительного анализа. У Ремизова есть *целые страницы, которые могли бы быть приписаны Достоевскому* (курсив мой. — С. Д.). Но это не подражание с его стороны, а несомненное духовное родство с великим тайновидцем».⁶

Романы, повести, рассказы Ремизова насыщены цитатами, реминисценциями, парафразами из произведений Достоевского. Но Достоевский для Ремизова — не столько источник литературных цитат, сколько (и прежде всего) писатель, который стал для него катализатором многих идей и сюжетов. В известном смысле можно утверждать, что для Ремизова Достоевский — загадка, от разрешения которой зависело понимание его, писателя А. Ремизова, собственной судьбы и собственного места в литературе. Именно этот ракурс исследования проблемы «Ремизов и Достоевский» будет интересовать нас в первую очередь.

Первая попытка развернутого истолкования личности и творчества Достоевского (а эти понятия были для Ремизова неразрывно связаны⁷) была сделана Ремизовым 11 февраля 1921 года, когда он выступил с речью в петроградском Доме литераторов. В этой связи любопытно мемуарное свидетельство К. Федина:

² Цит. по: Алексей Ремизов о себе // Россия. 1923. № 6. С. 26.

³ Ремизов А. [Автобиографии. 1912; 1913] // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 441 [Приложение I].

⁴ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 111. См. также признание в «Петербургском буераке»: «Достоевский действовал на меня до содрогания (...)» (Ремизов А. Собр. соч.: В 10 т. М., 2003. Т. 10. С. 358; далее ссылки на это издание в тексте: том, страница).

⁵ Измайлов А. Старорусские кружева / Измайлов А. Пестрые знамена. М., 1913. С. 100. О влиянии Достоевского на повесть Ремизова «Крестовые сестры» см. также: Иванов-Разумник. Творчество и критика: Статьи критические. 1908—1922. Пб., 1922. С. 64.

⁶ Колтоновская Е. О русском // Новый журнал для всех. 1912. № 12. С. 95.

⁷ Для Ремизова произведения писателя не существовали отдельно от его личности: «Писатель и человек. Так повелось судить человека, ремесло которого — слово. О художниках, музыкантах тоже говорят — судят. О Диккенсе говорят, что это был суровый человек, то же и про Андерсена, а чего только не говорят о Достоевском, о Некрасове. Правильно ли такое деление: человек и писатель? Писатель в своих произведениях дает все заветное, человеческое» (цит. по: Кодрянская Н. Указ. соч. С. 90). Подчеркивая исповедальный характер своего творчества, Ремизов с тем же критерием подходил к творчеству других писателей. См.: «На вопрос, согласен ли он с утверждением Толстого, что о ком бы и о чем бы ни говорил писатель, мы всегда прежде всего видим душу самого писателя: „Я с этим совершенно согласен, — говорит Ремизов, — принимая всех и все в себя. В основе Анна Каренина — это Толстой. А у меня исповедь”» (Там же. С. 100).

«В сороковую годовщину смерти Достоевского Ремизов произнес „Слово” («Огненная Россия. Памяти Достоевского». — С. Д.) о нем в Доме литераторов. Я смотрел в лицо Ремизову, когда он, прискакивая, как будто силясь выпрыгнуть из-за кафедры, на которую опирались его раскинутые руки, взывал к аудитории смятенным голосом. Было что-то жгучее и неистовое в ремизовском прославлении России Достоевского, в покаянии и гневе, какие клокотали в этом „Слове”. Лицо Ремизова вдруг передергивалось, на миг искажаясь от боли и страсти, хотя видно было, что он себя изо всех сил удерживает в ораторской черте, почти боясь вырваться из нее в исступление, в пророческий, в шаманский крик. Он произносил каждую фразу с напряженной ясностью, но мне все казалось, что он вот-вот забормочет, как в припадке, и в его смертной бледности, наполненной трепетом, в его губах, забелевших по уголкам, было что-то эпилептическое».⁸

«Пророческий» и «шаманский» крик, «страсть», «исступление», «припадок», «что-то эпилептическое» — все эти детали вызывали ассоциации с Достоевским (возможно, и с его знаменитой речью о Пушкине и тем эффектом, который она произвела 8 июня 1880 года⁹). А затем мемуарист уже прямо отмечает аналогию между биографией Достоевского и биографией Ремизова: «Как психолог, как романист, он шел по следам своего божества, отыскивая и строя русские характеры как ключи к познанию России. *Его биография сложилась странным подобием биографии Достоевского* (курсив мой. — С. Д.), маленьким, конечно, подобием, отражением в капле воды, но все-таки отражением великой планеты».¹⁰

Суждение К. Федина имеет основание. Как и Достоевский, Ремизов в первый студенческий год вполне искренне увлекся революционными идеями.¹¹ Как и Достоевский (который провел 4 года на каторге), Ремизов (который в общей сложности провел несколько месяцев в тюрьмах и 6 лет в ссылке) испытал глубокое разочарование в революционных идеях и революционных методах. Хотя прямо соотносить свою биографию с биографией Достоевского было бы нескромно, но сделать это косвенно Ремизов вполне мог. Приведем два эпизода из мемуарной книги Ремизова «Иверень». Первый — о высылке после ареста и следствия в 1896 году.

«Поздно вечером на Рождественский сочельник меня вызвали подписать бумагу: приговор: два года под гласный надзор полиции в Пензенскую губернию» (8, 286).¹² Прямо из тюрьмы Ремизов в сопровождении околоточного надзирателя был отправлен на Рязанский вокзал и посажен в поезд, направлявшийся в Пензу.¹³ Но из документов департамента полиции следует, что Ремизов пробыл в Таганской тюрьме до 20 декабря 1896 года и был отправлен в Пензу до рождественского со-

⁸ Федин К. Горький среди нас: Картины литературной жизни. М., 1968. С. 117—118.

⁹ См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1995. Т. 3: 1875—1881. С. 431—432.

¹⁰ Федин К. Указ. соч. С. 118—119.

¹¹ После поступления в Московский университет Ремизов увлекся социал-демократическими идеями. В книге «Иверень» он вспоминал: «Я считал себя социал-демократом. (...) Летом (1896 года. — С. Д.) я ухитрился попасть за границу. Два месяца прожил в Цюрихе, не выходя из библиотеки: я прочитал все, что есть „нелегальное”» (8, 283). См. также: «Меня тронула беда и я не знал как ответить. А потом из книжных разговоров узнал как все можно поправить. (...) Сначала мне казалось, что все можно поправить низложением правящих царя и министров, и был готов на правое дело, но такое чувство было недолго. Я поверил в марксизм и меня толкнуло на Бельтова-Плеханова» (Кодрянская Н. Указ. соч. С. 80).

¹² Еще раз он подчеркнет это обстоятельство там же (8, 301—302). А в письме Г. И. Чулкову от 15/28 ноября 1911 года Ремизов сообщает несколько иначе: «Из Каменщиков *после рождества* меня перевезли на вокзал и я поехал в Пензенск(ую) губ(ернию) под глас(ный) надзор на 2 года» (цит. по: Грачева А. М. Революционер Алексей Ремизов: Миф и реальность // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 421; курсив мой. — С. Д.).

¹³ «Утром, в сочельник, околоточный привез меня на Рязанский вокзал, взял билет до Пензы, посадил в вагон и — прощай, Москва!» (8, 286; см. также: 8, 302).

чельника.¹⁴ Можно, конечно, эту неточность списать на ошибку памяти Ремизова, тем более что в той же книге «Иверень» он путает год своего ареста (называет 1897 год вместо 1896).¹⁵ Но есть основания полагать, что в случае с датой отправки в ссылку дело обстоит иначе. Мемуарная книга «Иверень» создается в 1940-е годы и преследует цель не только описать реальные факты жизни Ремизова, но и воплотить автобиографический миф о самом себе. В свете этого мифотворчества день конца тюремного заключения и отправки в ссылку был особенно отмечен. Ремизов помнил, что Достоевский был этапирован на каторгу 24 декабря 1849 года, т. е. именно в рождественский сочельник.¹⁶ И «ошибка» памяти Ремизова объясняется скорее всего тем, что он «подстраивает» свою биографию под биографию Достоевского. Отмеченность этой даты (Рождество) мы видим и в книге «На вечерней заре» (1948), когда Ремизов переписывает и редактирует свои письма к жене и указывает даты начала и конца своей ссыльной жизни: «Ссылка. 25 XII 1897—31 V 1903».¹⁷

Второй эпизод — об отправке Ремизова на этап из Пензы в Усть-Сысольск весной 1900 года: «Взяли меня утром в субботу. В мешок к сухарям я положил „Киевский патерик“, синодальное издание с гравюрами, и „Братья Карамазовы“. При обыске в тюрьме Патерик отобрали, как книгу подозрительную или, просто сказать, понравилась тюремному начальнику. А „Братев Карамазовых“ всю дорогу до Москвы будет читать конвойный офицер, в Москве сменится, и ни его, ни книгу я больше не увижу» (8, 401).¹⁸ И еще одна деталь этапирования Ремизова: «А в пензенской тюрьме, отправляя меня этапом в Усть-Сысольск, забыли отметить „политический“; шел я пешком, „черной кареты“ мне не полагалось. Меня от моих товарищей не отличали, и только на перегонах было обузно: на меня надевали „баранки“ (наручни), соединяя мою правую с левой моего невольного соседа».¹⁹ Упоминание кандалов — еще один намек на сходство с Достоевским, который четыре года каторги провел в кандалах. А также «зачисление», пускай случайное и временное, в число уголовных преступников.²⁰ Сознал ли Ремизов сходство своей судьбы с судьбой Достоевского? Полагаем, что да. Как и Достоевский, он воспринимал свой арест как событие, в корне изменившее всю его жизнь: «А о себе скажу: 18 ноября 1897 г. (sic!) — роковой для меня день — арест и Таганская тюрьма. И потом ссылка в Пензу. Я был, как вычеркнут, а имя мое произносилось как позорное».²¹

Для Ремизова Достоевский — писатель, в жизни и творчестве которого главной была тема страдания как неизбежной судьбы человека. Об этом Ремизов напишет в эссе «Огненная Россия. Памяти Достоевского»: «Достоевский увидел в мире судьбу человека — горше она последней горести! — и не только человека (...) Весь мир перед ним застрадал — неотступно» (5, 360). Но страдает «крестной мукой» не только Христос, но и весь мир. В этом смысл слов Ремизова «крест всего мира» в эссе «Огненная Россия. Памяти Достоевского»: «Трепетной памятью неизбыв-

¹⁴ См.: Грачева А. М. Революционер Алексей Ремизов: Миф и реальность. С. 425.

¹⁵ Там же. С. 283.

¹⁶ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. Т. 1: 1821—1864. С. 177.

¹⁷ На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1985. Vol. IV. С. 154.

¹⁸ Упоминание романа Достоевского в ситуации, отсылающей к известному факту биографии Достоевского, становится дополнительным знаком совпадения биографий двух писателей.

¹⁹ Кодрянская Н. Указ. соч. С. 79.

²⁰ В книге «Иверень» он вновь подчеркнет эту деталь: «В понедельник арестантов выстроили на тюремном дворе. Конвойные обнажили шашки и, под звяк кандалов, мы тронулись в путь: впереди, что на каторгу, за ними потише, это те, что в роты и на поселение, а за последними шпана — мелкие воры и несчастная дрянь. Я, с моим мешком, в шпана» (8, 401).

²¹ На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // Europa Orientalis. 1987. Vol. VI. С. 239.

ной, иступлением сердца, подвигом, крестною мукой перед крестом всего мира — вот чем жить и чем любить человеку» (5, 363).

Восприятие судьбы и образа Достоевского через призму Голгофы, крестных мук Христа, проявится затем в его эссе о Ф. Достоевском «Звезда-полюнь» (1947): «Остановитесь! Слушайте, послушайте, что рассказывает человек, этот бунтовщик, заговорщик, этот злоязычник, блудница, изверг; вот его поймали, *избили и надругались, приволокли ко кресту и, скрутя веревкой, уж подтянули, чтобы вешать, уж по лестнице вскарабкались „воины“ с молотком и гвоздями* (курсив мой. — С. Д.) — и вдруг говорят: „Ступай, тебя прощают“. Да ведь это судьба Достоевского (22 декабря 1849 года, Петербург). Протоми в Петропавловской крепости, на рассвете декабряского утра его привезли на Семеновский плац — по пути позорной колесницы не вайи „креста и славы“ встречали его „осанной“, а тихие рождественские елки — „Дева днесь Пресущественнаго раждает“» (7, 325—326).

Обращает на себя внимание то, что Ремизов в свое описание несостоявшейся казни Достоевского включил цитату из романа «Идиот» (из рассуждения князя Мышкина): «Может быть, и есть такой человек, которому прочли приговор, дали помучиться, а потом сказали: „Ступай, тебя прощают“. Вот этакой человек, может быть, мог бы рассказать. Об этой муке и об этом ужасе и Христос говорил».²²

Суть рассуждений князя Мышкина заключается в том, что ожидание неминуемой казни гораздо мучительнее и страшнее, чем сама казнь. Не менее существенно и то, что описание несостоявшейся казни Достоевского явно спроецировано на распятие Христа. Особенно показательна такая колоритная деталь, как «„воины“ с молотком и гвоздями», которая отсылает к евангельской сцене распятия. При этом в описании казни Достоевского Ремизов отступает от исторической достоверности, ведь казнь Достоевского должна была совершиться через расстреляние.²³

Что позволило Ремизову провести аналогию между распятием Христа и казнью Достоевского? Прежде всего — мотив страдания, *страсти* (в церковном смысле этого слова). Подобие страданий Христа и страданий приговоренного к казни заключается еще и в том, что последний за несколько минут как бы *умирает*, а затем *воскресает* к жизни. Об этом рассказывает Достоевский устами князя Мышкина: об «этой муке и об этом ужасе и Христос говорил».²⁴ Муки в душе пригово-

²² Достоевский Ф. Собр. соч.: В 15 т. Л., 1989. Т. 6. С. 24. Та же евангельская аллюзия есть в идее князя Мышкина нарисовать картину, которая бы изображала последний миг казни: «... голова, лицо бледное как бумага, священник протягивает крест, тот с жадностью протягивает свои синие губы, и глядит, и глядит, и — *все знает*. Крест и голова — вот картина...» (Там же. С. 68—69). Символическая деталь этой воображаемой картины — «крест и голова» — очевидно отсылает к теме распятия.

²³ Такие исторические анахронизмы можно наблюдать и в ремизовских переложениях апокрифических сюжетов (см: Доценко С. 1) «Автобиографическое» и «апокрифическое» в творчестве А. Ремизова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 33—40; 2) Проблемы поэтики А. М. Ремизова: Автобиографизм как конструктивный принцип творчества. Tallinn, 2000. С. 38—52).

²⁴ Достоевский Ф. Собр. соч. Т. 6. С. 24. Аналогия между тюремно-каторжными муками заключенных и крестными муками Христа имеет у Ремизова и более тривиальный (реально-бытовой) генезис: «Христос для меня — да и для одного ли меня? — „Двенадцать Евангелий“, Христа ведут на крестную муку — Христос — Спаситель. „Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененнии и аз упокою вы“. Подпись под образом — памятная мне: такие образы висели в тюремных одиночках, от Петропавловской и Шлиссельбургской до Пересыльской тульской» (цит. по: Кодрянская Н. Указ. соч. С. 103—104). Речь идет, вероятно, об иконе «Спас Вседержитель» — поясным изображении Иисуса Христа; правой рукой он благословляет, а левой держит открытое Евангелие, в котором написан текст, процитированный Ремизовым (см.: Мф. 11: 28). Напомним, что на Страстной седмице в четверг вечером совершается утренняя с чтением 12 Евангелий, в которых описываются его осуждение на смерть и распятие. Именно это имел в виду Ремизов, с детства очень хорошо знавший церковные службы. Одну из икон, которая обычно висела в камерах российских тюрем, Ремизов называет в своем рассказе «Крепость» (1906): «В углу камеры висела иконка Воскресение Христово, как висела много лет, когда в первый раз привели в этот застенек и захлопнули дверь навсегда» (3, 39).

ренного к смертной казни в его последние минуты и даже секунды Ремизов (под влиянием Достоевского) соотносит с муками Христа перед казнью. В письме О. Маделунгу от 13 сентября 1904 года он высказывает не совсем законченную мысль, в которой можно увидеть отголосок слов князя Мышкина: «А блеснула еще мысль: Христа отвели в темницу и оставили одного. Одна минута, потом бичевания... Вот эта одна минута перед пыткой и приговором».²⁵ Иными словами, то, что пережил Достоевский 22 декабря 1849 года, для Ремизова есть подобие крестных мук Иисуса Христа.²⁶

Мысль о человеческой жизни как неизбежном страдании (своего рода крестных муках) находим и в романе Ремизова «Плачущая канава» (1914—1918): «И какое это страшное бремя, какой кровавый крест, взваленный тебе на спину, быть на измученной земле в жестоком человеческом круге, какое это ужасное наказание — быть человеком! (...) Со всей иступленностью вопиет седой голос из века: „Лучше было бы не родиться!“» (4, 326—327).

Источник закавыченных слов («Лучше было бы не родиться!») обнаруживает-ся легко — Ремизов цитирует слова Христа, сказанные об Иуде-предателе: «Но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться» (Мф. 26: 24).²⁷

Иными словами, страдания Христа уподобляются страданиям Иуды, на что и указывает евангельская цитата. Еще ранее эту идею двойничества Христа и Иуды Ремизов воплотил в своей поэме «Иуда» (1903), в которой великим страдальцем оказывается не только Иисус Христос, но и предатель Иуда. Эта трактовка образа Иуды навеяна не только апокрифическими легендами, но и (несколько парадоксально) творчеством Достоевского. В эссе Ремизова «Огонь вещей» (гл. «Райская тайна», 1932) есть неожиданное и загадочное утверждение: «Достоевский увидел улыбку — жалкую, искривленную со Креста и ее тень длинную бледную с трепещущей осины — улыбка жертвы за весь мир» (7, 142). Но ведь улыбка «с трепещущей осины» — это улыбка Иуды. И она же, согласно логике Ремизова, есть «тень» (подобие) улыбки Христа. Иными словами, образ Иуды есть подобие образа Христа, и наоборот: Христос отражается в своем двойнике — Иуде. Антиномичность двух образов оказывается тождеством, ведь улыбка Иуды названа: «улыбка жерт-

²⁵ Письма А. М. Ремизова и В. Брюсова к О. Маделунгу. Copenhagen, 1976. С. 31.

²⁶ Та же мысль — в эссе Ремизова «Огненная Россия. Памяти Достоевского»: «Кто, откуда пришел он? Пройдя какие квадриллионы пространств — отблеск и отвей какого страшного премудрого духа, пустынного огненного духа-искусителя, держащего ключи от человеческого счастья. И куда? На какую *Голгофу* (курсив мой. — С. Д.) — без срока —» (5, 358). «Квадриллионы пространств» — это, конечно же, реминисценция анекдота черта из романа «Братья Карамазовы».

²⁷ Знаменательно, что слова Христа, сказанные об Иуде, Ремизов прилагает и к своей судьбе: «Я чувствовал свою приниженность, я раб, невольник в этом мире, где без воли Бога не упадет волос... Я всей жизнью Ему обязанный, осчастливленный жить. (...) Но под ударами беспощадной судьбы, которая в руках все той же воли Бога, я скажу эти древние слова: „лучше было бы не родиться человеку на земле“» (цит. по: *Кодрянская Н.* Указ. соч. С. 85). Об автобиографическом аспекте ремизовской интерпретации образа Иуды см.: *Доценко С.* 1) Проблемы поэтики А. М. Ремизова: Автобиографизм как конструктивный принцип творчества. С. 16—33; 2) «И к злодеям причтен»: Тема предательства в поэме А. Ремизова «Иуда» // *Aleksej Remizov. Studi e materiali inediti, a cura di A. M. Gračeva e A. d'Amelia.* Salerno, SPb., 2003. С. 43—53; *Dotzenko S.* «Et je fus compté au nombre des scélérats»: Le thème de la trahison dans le poème d'Aleksej Remizov *Iudas* // *Revue des études slaves.* 2006. LXXVII/ 4. P. 587—598. Процитированные слова Христа об Иуде перекликаются также со словами Ипполита из романа «Идиот»: «Если б я имел власть не родиться, то наверно не принял бы существования на таких насмешливых условиях» (*Достоевский Ф.* Собр. соч. Т. 6. С. 417). Эти слова Ипполита Ремизов цитирует (не совсем точно) в эссе «Огненная Россия. Памяти Достоевского» (5, 360; об этой цитате см.: *Туншманов В. А.* Указ. соч. С. 109). Так что речь может идти о двойной кодировке этой цитаты — отсылающей и к евангельскому тексту, и к роману Достоевского.

вы за весь мир». Для Ремизова «жертва за весь мир» — в равной мере и Христос, и Иуда.²⁸

Многие темы, мотивы, идеи, заимствованные у Достоевского, мы находим уже в романе Ремизова «Пруд».²⁹ Более того, имя и творчество Достоевского эксплицируются в тексте романа: «На Ивана Купала минуло Коле четырнадцать. До той поры не прочитавший ни одной строчки, считая книгу скучным, как уроки, Коля случайно наткнулся на сочинения Достоевского. Много было непонятного — читалось и забывалось, но сколько было такого близкого и родного — огорелышевского» (1, 123).

Для героя романа «сочинения Достоевского» сразу приобретают автобиографический смысл — в этом заключается суть слов «сколько было такого близкого и родного». Роман «Пруд», по утверждению Ремизова, — роман в значительной мере автобиографичный.³⁰ И тем более интересны те случаи, когда в биографии главного героя романа, Николая Финогонова, актуализируются эпизоды и мотивы биографии как его создателя, так и героев Достоевского. Николай Финогонов Ремизов наделил чертами своей биографии (так что Ремизов — один из главных его прототипов). После ареста за участие в студенческой демонстрации «в полугодовщину какого-то произвола <...> на сорочки какой-то ходынки» (1, 210) Николай Финогонов был помещен в одиночную камеру. Этот эпизод явно списан с биографии Ремизова, который 18 ноября 1896 года участвовал в студенческой демонстрации в Москве по случаю полугодовщины Ходынки³¹ и после ареста на время следствия был помещен в одиночную камеру Таганской тюрьмы (8, 283—286).³² Затем Николай Финогонов был сослан под гласный надзор полиции в один из северных городов России (в романе он назван Великий Веснеболог), в котором был построен древний собор «еще Грозным» (1, 249).³³ Но именно в Вологде отбывал ссылку Ремизов в 1901—1903 годах.³⁴ Тем самым «революционная» биография Николая Финогонова отчасти повторяет биографию самого Ремизова. Но, однако, в этой биографии нет факта казни — поэтому Ремизов вводит в свой роман мотив казни, заставляя своего героя пережить то, что пережил Достоевский. В ссылке Николаю Финогонову приснился «темный обморочный» сон: «И вдруг в глазах у него потемнело: кто-то ловко накинул ему петлю на шею и потянул. И уж ведут его в башню, белую, без единого окошечка, и он знает, что приговор подписан и с часу на час наступит смерть. Он лежит на нарах в грязной камере и ждет, когда придут за ним и поведут на казнь. И вот с визгом растворилась чугунная дверь. Два человека, один в черном, другой в красном плаще и черных полумасках, с тонкими, золотыми шпагами на бедрах, вошли в камеру и, молча, взяв его под руки, вывели на волю. <...> Небо ярко-синее над пестрой толпой куталось в блестящую сеть весеннего солнца и, казалось, спускалось все ниже, совсем над площадью. Он просто мог бы достать пальцем до неба, когда стал на высокий помост и глянул поверх кишевшей

²⁸ Мотив двойничества Христа и Иуды есть в поэме Ремизова «Иуда» (1903): «Христос Иуде равен — // В Нем человек посеян — // И человека предал человек» (3, 70). В трагедии Ремизова «Трагедия о Иуде принце Искаротском» (1907) образ Иуды-предателя трактуется иначе — как образ предтечи Христа (см.: Ремизов А. Сочинения. СПб.: Шиповник, [1912]. Т. 8. С. 168).

²⁹ См.: Данилевский А. Функция «автобиографизма» в III-ей редакции романа А. М. Ремизова «Пруд». С. 147—149. Исследователь находит в романе Ремизова «Пруд» многочисленные цитаты и реминисценции из романов Достоевского «Бесы» и «Братья Карамазовы».

³⁰ См. в предисловии к IV редакции романа «Пруд»: «„Пруд“ автобиографичен, но не автобиография. Круг моих наблюдений <...> Все это из жизни» (1, 507).

³¹ См.: Грачева А. М. Революционер Алексей Ремизов: Миф и реальность. С. 423—426.

³² См. также: Кодрянская Н. Указ. соч. С. 79.

³³ Речь идет о Софийском соборе, построенном Иваном Грозным в Вологде. См. об этом комментарий А. Данилевского (1, 563—564).

³⁴ См.: Грачева А. М. Революционер Алексей Ремизов: Миф и реальность. С. 435—436.

толпы, но палач ударил его кулаком по шее, и голова его упала на грудь. А прямо перед ним, у столба на краю помоста, прихлопывая в ладоши, плясала растерзанная с оборванной петлей на шее полунагая женщина: измученное лицо ее в слезах надрывалось, от боли глаза то на лоб выскакивали, то вваливались, как у похолодевшего трупа (...)» (1, 264—265).

Эта сцена казни содержит скрытую аллюзию на казнь Достоевского, причем здесь важен прежде всего мотив несостоявшейся казни.³⁵ Другая аллюзия — это аллюзия на казнь Христа: «голова его упала на грудь».³⁶ Арест, заключение, ссылка Николая Финогенова — это и есть его крестный путь, его Голгофа. Соответственно, как своеобразный «крестный путь» можно рассматривать и судьбу его прототипа, писателя Ремизова.³⁷ Правда, в романе смерть Николая Финогенова сюжетно мотивирована вполне реалистично (он попадает под колеса проезжавшей кареты), но и здесь одна деталь многозначительна и символична: «И вдруг его крепко ударило чем-то по плечу, и он лицом упал на мостовую и, обороняясь, подобрался весь, но лошадиные копыта с треском подбросили его под колеса (...) И в тот же миг будто острый кусок льда со свистом лизнул его шею (...) беспощадные клещи сдавили ему череп и поволокли его по гвоздям через огонь и лед, через лед и огонь, через тьму... Со сломанными ногами и пробитым черепом подняли Николая с мостовой из-под кареты» (1, 298). «По гвоздям» — мотив, опять отсылающий к сцене распятия.

С точки зрения фабульной смерть Николая Финогенова — несчастный случай. Но, по сути дела, это есть, скорее, казнь героя.³⁸ На это указывает и несколько за-

³⁵ См. также обмолвку в гл. «Оракул»: в ссылке Николай Финогенов оказывается «как приговоренный, день казни которого откладывается» (1, 273).

³⁶ Ср. в финале романа: «висел Он, распятый, с поникшей головой» (1, 300).

³⁷ В этой связи приведем признание Ремизова, который казнь святого мученика (описанную в Четьях-Минеях) воспринимает как событие, произошедшее с ним самим: «И разве могу забыть я казнь белым огнем? Я точно присутствовал и не как свидетель, а как сам мученик. Я не только все видел, я и чувствовал. С замеревшим сердцем, но готовый ко всему, я глядел в сгущающуюся черноту злой ночи — *моей жестокой казни* (курсив мой. — С. Д.). Я помню разятие состава — с этого началась казнь: соструганная кожа, рассеченные мускулы, раздробленные кости, и — крест: пригвождение в длину, широту и долготу» (8, 106). Обратим также внимание на то, что и в этом случае казнь опять осознается как распятие Христа. «Вживание» в библейские (легендарные) образы и ситуации — характерная черта ремизовского художественного метода. Он пишет об этом в книге «Мартын Задека» (1954): «Та же острота чувства и яркость видения мне говорят, что я был среди демонов в „воинстве“ Сатанаила в тот крестный час смерти Христа, в дни, не отличить от ночей, когда померкло солнце и звезды, это наши глаза звездами прорезали смятение тоскующей твари. Я провожал Петра, когда пропел петух и раскаяние выжгло мои слезы. Я с грозным ангелом стоял перед крестом, я не мог помириться, и за архангелом я требовал разрушить закон жизни — сойти со креста. И я стоял перед трепетавшей осиною, мое отчаяние глядело в закатившиеся глаза Иуды» (7, 428). Ср. также: «Я был птичкой — постучал Божьей Матери в окошко, когда мимо вела Спаса. Но это не прием. Я живо чувствую свое присутствие в высоких событиях человеческой истории или даже легенд» (*Кодрянская Н.* Указ. соч. С. 124). Мотив «вживания» в образы библейских персонажей характерен и для героя романа «Пруд», Николая Финогенова: «Слушает Коля евангелие, видит ему Христос: „Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия, впрочем, не как Я хочу, но как Ты“. А ученики спят. А ведь Он просил их бодрствовать с ним, но они заснули. И опять молится и опять находит учеников спящими. И час приблизился, вот входит Иуда и множество народа с ним. Если бы захотел Христос, ангелы спасли бы его, но *так надлежало быть*. Видит Коля, как ведут Христа, и двор видит, где Петр остался, и слышит, как клянется Петр и божится, что не знает Христа, и поет петух. (...) „Будь я Петром, — мечтает Коля, — я никогда бы не отрекся. (...) Господи, я никогда бы Тебя не предал и не отрекся!“» (1, 61).

³⁸ Более явно мотив смерти Николая Финогенова именно как смерти-казни актуализирован во II редакции романа «Пруд», где *сразу после описания приснившейся Николаю казни следовало описание и его смерти*: «... от боли глаза то на лоб выскакивали, то вваливались, как у похолодевшего трупа. Плясала женщина, ногами притоптывала... плясала женщина... мать плясала... Завертелся Николай на месте, хотел броситься, но в тот же миг будто острый кусок льда со свистом лизнул его шею, и черно-красной большой свет густыми брызгами взметнулся

гадочный мотив в описании смерти героя: «И в тот же миг будто *острый кусок льда со свистом лизнул его шею* (...)» (1, 298); (курсив мой. — С. Д.).

Откуда здесь появился мотив острого куска льда — как орудия убийства? Дело в том, что еще в своем апокрифе «О безумии Иродиадином» (1906) Ремизов использовал апокрифические легенды об Иоанне Крестителе и дочери царя Ирода (Иродиаде). Среди этих легенд есть каталонская легенда, согласно которой Иродиада в наказание была обречена на вечное скитание. Однажды она пыталась перейти замерзшую реку, и «только что она дошла до половины реки, как лед расступился и отрезал ей голову (...) заставив Иродиаду испытать страдания Иоанна Предтечи. С тех пор вокруг шеи Иродиады остался знак, точно красная нитка».³⁹ По другим легендам, византийским, Иродиаду постигла аналогичная кара, когда она «пошла гулять по замерзшей поверхности Генисаретского озера, лед подломился под ней, тело ушло в воду, а ее голову мать положила к себе на колени и плачет над нею и сознается, что все это приключилось в наказание за смерть Иоанна Крестителя. Никифор Каллист прибавляет новые подробности: вместо озера замерзшая река; дочь Ирода проваливается в нее по голову, которая срезана льдом, тело продолжает плыть в воде, голова — на льду в обличие и напоминание содеянного ею».⁴⁰

Иными словами, лед в данном случае выступает как метафора топора палача, а отрезание головы куском льда подобно казни.⁴¹ Как представляется, в свете легенд о наказании Иродиады (в которых фигурирует лед как орудие казни) получает мотивировку и мотив льда в описании смерти ремизовского героя. Получает также объяснение и мотив пляшущей перед эшафотом женщины (ведь в средневековых апокрифах Иродиада — плясавица⁴²). Еще одна аллюзия на казнь — в гл. «Морильня» (часть II, гл. 4): в тюрьме, в которой находится в заключении Николай Финюгенов, казнят одного преступника. Но когда накануне строили виселицу на тюремном дворе, Николай шептал: «Боже мой, подкрепи меня!» (1, 221). Слова Николая являются очевидной реминисценцией евангельского «моления о чаше» в Гефсиманском саду, когда «явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его»

пред глазами, и щемящая сухая боль и что-то до приторности сладкое загрызло где-то в глубине рта, но страшные клещи сдавили череп и поволокли куда-то по вязким неостывшим трупам, по гвоздям через огонь в лед — крошечную тьму... в отчаяние» (1, 463). В этой редакции описание смерти Николая может быть понято как описание не реальной, а только приснившейся ему смерти. Но в III редакции это описание было перенесено в конец романа — как описание уже реальной смерти героя.

³⁹ *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха // Сб. ОРЯиС Имп. АН. СПб., 1883. Т. XXXII. № 4. С. 429—430. Мотив шрама на шее Иродиады, который напоминает красную нитку, есть в апокрифе Ремизова «О безумии Иродиадином, как на земле зародился вихорь» (1906): «Красная панна Иродиада — несется неудержимо, навек обращенная в вихорь (...) И тесно ей, теснит грудь, и красный знак вокруг шеи красной огненной ниткой жжет (...)» (6, 11—12). В примечании Ремизов специально комментирует этот мотив, почти дословно процитировав пересказ каталонской легенды об Иродиаде, приведенный у А. Н. Веселовского (см.: 6, 40).

⁴⁰ *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха // Сб. ОРЯиС Имп. АН. СПб., 1889. Т. XLVI. № 6. С. 308.

⁴¹ Примечателен и такой мотив в описании смерти Финюгенова: острый кусок льда лизнул его шею «со свистом», т. е. подобно топору палача. В то же время мотив звука орудия казни (или его аналога — ножа гильотины) имеет литературный генезис: он отсылает к словам князя Мышкина о том, что приговоренный к смертной казни в последнее мгновение «... вдруг услышит над собой, как железо склизнуло! Это непременно услышишь!» (*Достоевский Ф. М.* Собр. соч. Т. 6. С. 68).

⁴² Если учесть, что в пляшущей перед эшафотом женщине Николаю Финюгенов узнает свою возлюбленную, то имплицитно вся эта сцена может проецироваться и на евангельскую (в ее апокрифическом изводе) коллизию: Николай — это Иоанн Креститель, а его пляшущая возлюбленная — Иродиада народных легенд. Образ Иоанна Крестителя особенно интересен еще и тем, что в романе Достоевского «Идиот» князь Мышкин упоминает (причем именно в связи с темой казни) картину Ганса Фриса «Усекновение главы Иоанна Крестителя» (см.: Там же. С. 645). Об апокрифическом подтексте романа «Пруд» см. также: *Грачева А.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 35—47.

(Луки 22: 43).⁴³ Точно так же виселица, которая приснилась Николаю, очевидно, ассоциируется с крестом распятия: «Огорельшевские плотники разобрали верх красного Финогеновского флигеля, и одна труба (...) торчала, как виселица-крест» (1, 281). Евангельская символика этого образа еще более эксплицирована в последней главе романа. Во-первых, глава имеет красноречивое название: «В девятый час» (когда, согласно евангельским текстам, умер на кресте Христос). Во-вторых, здесь вновь появляется мотив креста-виселицы: «И три длинных облупленных прокопченных трубы с высовывающимися кирпичами торчали, как *три креста-виселицы* (курсив мой. — С. Д.)» (1, 299).⁴⁴ Три креста-виселицы, с которыми сравниваются у Ремизова три трубы разрушенного финогеновского флигеля, — очевидная отсылка к трем крестам на Голгофе. Символично и то, что в финале последней главы романа «Пруд» появляется образ распятого Христа: «А там, на небесах, как некогда в девятый покинутый час, висел Он, распятый, с поникшей главой в терновом венце» (1, 300).

Спроецировав своего героя (свое литературное alter ego) на героев Достоевского (и одновременно на биографию самого писателя), Ремизов имплицитно подразумевает сходство своей судьбы и судьбы Ф. Достоевского. Когда Ремизов пытается понять судьбу Достоевского, то в значительной мере он пытается понять свою судьбу. Судьба Достоевского и собственная судьба Ремизова оказываются связаны не только (и не столько) внешним, сколько внутренним подобием. Событие из биографии Достоевского (несостоявшаяся казнь в 1849 году), спроецированное на мотив распятия Христа, становится тем кодом, при помощи которого Ремизов пытается истолковать и свою собственную биографию. А роман «Пруд» становится той художественной конструкцией (сам Ремизов назвал бы ее «легендой»⁴⁵), в которой он при помощи художественного вымысла «достраивает» свою биографию, оглядываясь на биографию Достоевского. По сути биография Николая Финогенова является попыткой соединить биографии самого Ремизова и Достоевского.

Ремизов пытался определить свою литературную «родословную», и Достоевский постоянно поминается в ней.⁴⁶ Объяснение столь пристрастному и особенному отношению к Достоевскому находим в эссе «Звезда-полынь», в котором Ремизов пишет о своем особом художественном взгляде на окружающую реальность: «подстриженными глазами». Сам он так объяснял смысл этого выражения: «Я родился с глазами, а глаза даются по душе человека. Мои подстриженные глаза развернули передо мной многомерный мир лун, звезд и комет, и блестящие облака, аура вокруг живых человеческих лиц. Для простого глаза пространство не заполнено. Для подстриженных нет пустоты. „Подстриженные глаза“ еще означает мир кувырком, евклидовы аксиомы нарушены, из трех измерений переход к четырем. Эти глаза подняли меня в мир сновидений, а также открыли дорогу в подземную глубь черной завязи жизни».⁴⁷

А вот как в эссе «Звезда-полынь» он объясняет особое видение мира Достоевским, который пережил ритуал смертной казни: «Тот, кто стоял на пороге смер-

⁴³ См. об этой реминисценции: *Данилевский А.* Функция «автобиографизма» в III-ей редакции романа А. М. Ремизова «Пруд». С. 148.

⁴⁴ Отмечено в комментарии А. Данилевского (см.: 1, 568).

⁴⁵ Этот подход к объяснению сущности человека он сформулировал в разговоре с Н. Кодрянской: «А моя сущность? Только создавая легенду, сказку, можно объяснить существо человека» (цит. по: *Кодрянская Н.* Указ. соч. С. 89).

⁴⁶ В книге «Подстриженными глазами» он предложит такую свою «родословную»: «„В лесах“ и „На горах“ Мельникова-Печерского — первые из прочитанных книг (...) Чувство мое было горячее, горячее — читал и не мог начитаться. Потом все позабылось, и не как вытесненное, а на грузом других, по чувству памятных: Достоевский, Толстой, Салтыков, Лесков, Гончаров, Тургенев, Писемский и много позже Гоголь. А когда я раздумываю, кого мне назвать своим родоначальником, я уверенно говорю: Мельников-Печерский» (8, 64).

⁴⁷ *Кодрянская Н.* Указ. соч. С. 96—97.

ти — неминуемой, „наверно”, вернувшись к жизни, какими глазами он смотрит или каким кажется его *обрезанным* *глазам* (курсив мой. — С. Д.) наш серенький мир <...> Да ничего подобного — глаза не наши. Все обыкновенные краски погасли и все будничные звуки заглохли — все стало ярче и громче: слух проник в перевозвук и глаз в глубь света. И все движения изменились, и то, что за год — минута, а „сейчас” — как вихрь. <...> Нет больше привычной „действительности” (реальности), остались от нее одни клочки и оборки. И если взглянуть нашими будничными глазами, вся эта открывшаяся действительность невероятна и неправдоподобна, трудно отличить от сновидений <...>. И что возможно, мне так чужая, эта непостижимая действительность и есть перво жизнь всякой жизни» (7, 326—327).

Взгляд на мир самого Достоевского Ремизов определяет точно так же, как и свой собственный взгляд, — взгляд «подстриженными» (или «обрезанными») глазами. Тем самым имплицитно он устанавливает свое сходство с Достоевском. Различие состоит лишь в том, что Ремизову эти «подстриженные глаза» были даны от рождения,⁴⁸ а Достоевский (как полагал Ремизов) обрел способность по-особому видеть мир после трагического события, перевернувшего всю его жизнь. Примечательно и другое: пытаясь в эссе «Звезда-полюнь» объяснить личность и художественный метод Достоевского, Ремизов как бы невзначай начинает говорить уже о своем художественном методе: «Хаос, сумбур, сердечная бурда, беспорядок. Мои разбитые мысли и этот неподвижный взгляд» (7, 339).

Так Ремизов объясняет Достоевского для того, чтобы объяснить и свой генезис как писателя.

⁴⁸ В автобиографии (1923 года) Ремизов писал о природе своего необычного видения мира: «Оттого, должно быть, что родился я в купальскую ночь, когда в полночь цветет папоротник и вся нечисть лесная и водяная собирается в купальский хоровод и бывает особенно буйна и громка, я почувствовал в себе *глаз* (курсив мой. — С. Д.) на этих лесных и водяных духов <...> Глаз мой, обращенный к таинственному в жизни природы, открыл мне таинственное же и волшебное в жизни человеческой <...>» (Алексей Ремизов о себе // Россия. 1923. № 6. С. 25). См. также в книге «Подстриженными глазами»: «Оттого ли, что я родился близоруким, и от рождения глаза мои различали мелочи, сливающиеся для нормального глаза <...> или я сделался близоруким, увидев с первого взгляда то, что нормальному глазу только может сниться во сне» (8, 30).